

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья
УДК 821.161.1-84 Державин
doi: 10.17223/23062061/34/2

ТИПЫ АДРЕСАЦИИ ЛИРИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Дмитрий Владимирович Ларкович¹

¹ Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия,
dvl10@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается вопрос о специфике коммуникативных стратегий и диалогических интенций Державина-лирика. В контексте этой проблемы выделяется пять типов адресации (сакральная, политическая, идеологическая, дружеская, эротическая), которые определяют жанровую, интонационную и тематическую обусловленность державинского лирического высказывания и устанавливают характер взаимоотношений между субъектом речи и его адресатом. Делается вывод о том, что адресованность державинского поэтического высказывания является важным средством осуществления диалогических интенций и выражает органическую потребность поэта в многоакурсном изображении бытия, в построении объёмной, многомерной и диалектически целостной художественной картины мира, основанной на пересечении противоречивых оценок и впечатлений.

Ключевые слова: русская поэзия, Г.Р. Державин, лирическое высказывание, коммуникативная стратегия, речевой диализм, адресация

Для цитирования: Ларкович Д.В. Типы адресации лирического высказывания Г.Р. Державина // Текст. Книга. Книгоиздание. 2024. № 34. С. 6–21. doi: 10.17223/23062061/34/2

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

Types of addressing in Gavrila Derzhavin's lyrical discourse

Dmitry V. Larkovich¹

¹ *Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation, dvl10@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the specifics of communicative strategies and dialogical intentions of Derzhavin the lyricist. In the context of this scientific problem, the author of the article identifies five types of addressing (sacred, political, ideological, friendly, erotic), which determine the genre, intonation and thematic conditionality of Derzhavin's lyrical utterance and establish the nature of the relationship between the subject of speech and its addressee. Sacred addressing in Derzhavin's lyrics is carried out in the speech situation of the dialogue of the lyrical subject with the Creator, who acts as an invisible, but quite tangible Interlocutor, embodied in his creation. The subjective activity of Derzhavin's lyrical utterance is stimulated by the feeling of direct involvement in the active subjectivity of the Divine Addressee, the comprehension of whose essence opens up the possibility for the lyrical subject to comprehend himself. Political addressing is actualized in situations where Derzhavin's lyrical hero addresses royal persons and statesmen. Formally, this type of addressing fits into the odic genre tradition and serves as a means of poetic declaration of the author's civic position. However, in Derzhavin, this stable rhetorical model takes on the character of personally engaged communication, which implies a high degree of intimacy in the relationship between the sender and the addressee, which is especially pronounced in poems dedicated to Catherine II. Ideological addressing is practised by Derzhavin in those cases when the poet pursues the goal of a public discussion of issues of ethical, epistemological or aesthetic content. From the point of view of referential attitudes, a communicative strategy of this kind of addressing can be polemical, declarative (manifestation) or heuristic. Friendly addressing is mainly inherent in poems written in the genre of a friendly message. In lyrical works of this type, along with the main subject of speech, another subject-object instance (addressee) often appears, as a result of which a situation of value plurality arises, in the dialectical unity of which the author's value position is determined. Poems containing erotic addressing are purely monologue in terms of the structure of speech constructions and masked in terms of the nature of subjectivity. This type of addressing develops from the expression of rhetorically conditional forms of love experience, oriented to the tradition of Alexander Sumarokov's poetic school, to personally engaged subjective statements, often marked by features of the author's self-irony. The presented typology of addressing in Derzhavin's lyrics demonstrates a wide range of communicative strategies of the poet, striving to establish a truly dialogic relationship with his reader.

Keywords: Russian lyrical poetry, Gavrila Derzhavin, lyrical discourse, communicative strategy, speech dialogism, addressing, lyrical subjectivity

For citation: Larkovich, D.V. (2024) Types of addressing in Gavrila Derzhavin's lyrical discourse. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 34. pp. 6–21. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/34/2

Коммуникативные стратегии Державина-лирика – вопрос, требующий специального и всестороннего изучения, хотя отдельные аспекты этой научной проблемы нашли отражение в современном литературоведении. Ещё И.З. Серман отмечал, что «Державин больше внимания уделяет субъекту – человеку, чем объекту – миру» [1. С. 75], результатом чего становится «совершенно новая трактовка одического “я”» [1. С. 80–81], маркированного признаками ценностной множественности. Эта мысль получила развитие в работах более поздних исследователей. Так, характеризую диалогическую природу державинской оды, Т.В. Бердникова акцентирует внимание на её стилистической неоднородности и связывает этот факт с процессами жанровой динамики рубежа XVIII–XIX вв. [2. С. 20]. Определению путей формирования диалогических интенций в творчестве Державина посвящена работа Т.В. Килинг, по наблюдениям которой, уже в ранней лирике поэта «происходит постепенное разграничение обобщенного одического адресанта и лирического “я”» [3. С. 20], что, по мнению исследователя, свидетельствует о стремлении автора выйти за рамки традиционного одического канона.

В этой связи уместно привести частное, но концептуально весомое замечание С.Г. Бочарова, которое было высказано им попутно размышлениям о природе диалогизма как категории авторского сознания, получившей фундаментальное обоснование в трудах М.М. Бахтина. Бочаров заметил, что наиболее раннее выражение диалогизма в русской литературе Нового времени непосредственно связано с творчеством Державина и впервые полновесно представлено в оде «Бог». Как отмечает исследователь, «“превратить другого человека из тени в истинную реальность” – это формула... Бахтина, и в точности по Державину» [4. С. 466]. И действительно, известный бахтинский тезис «быть – значит общаться диалогически» [5. С. 156] в полной мере проецируется на поэтическое сознание Державина, чуждое всякой догматичности и односторонности, способное динамично откликаться на всё новое, иное, незнакомое, открытое для внешних контактов и взаимодействия. Являясь доминантным свойством

художественной идеологии Державина, диалогичность во многом определяет и грамматический строй его лирического дискурса, демонстрирующего множественность форм коммуникативных ситуаций, актуализированных автором [2. С. 18–19].

Но разговор о диалогичности неизбежно актуализирует встречный вопрос об адресатах державинского поэтического диалога, о типах и формах его художественного функционирования. Этой проблеме и посвящена настоящая статья, в которой впервые представлен опыт систематизации и типологии лирической адресации Державина, в русле которой и осуществляются диалогические интенции поэта.

Важно отметить, что лирическое высказывание Державина находится на пересечении регламентарной и конвергентной коммуникативных стратегий, когда субъект речи либо ощущает высокую степень авторитетности своего слова, либо стремится к познанию себя в диалоге с другим [6. С. 206–208]. Подобная вариативность речевых установок обусловлена порубежным состоянием современного поэту литературного процесса, переживающего переход от эйдетической поэтики к поэтике художественной модальности. В ряду своих современников Державин одним из первых сумел преодолеть абстрактно-видовой взгляд на человека и представить его как явление динамичное и противоречивое, что привело его к поиску словесных форм опосредования сознания *другого*, отличного от авторского и оригинально коррелирующего с ним. Здесь мы имеем дело со стремлением поэта включить в пространство создаваемого им художественного мира ту дополнительную ценностную инстанцию, которая способна в ином ракурсе выразить его сущностные черты и активно взаимодействовать с авторской точкой зрения, что характерно для предромантической поэтики.

В каждом конкретном случае выбор стратегии определяется целевой коммуникативной задачей автора и статусом адресата его высказывания. В той или иной степени этот выбор тяготеет к позиционированию креативного, референтного или рецептивного аспектов общения, при этом «креативный аспект, – говоря словами Т.С. Кругловой, – предполагает рассмотрение сферы субъекта высказывания, референтный аспект подразумевает внимание к предмету высказывания, а рецептивный, соответственно, включает в себя сферу адресата» [7. С. 89]. Рассмотрим механизмы реализации лирического высказывания Державина в контексте различных типов адресации.

Сакральная адресация в державинской лирике осуществляется в речевой ситуации диалога лирического субъекта с Творцом. Рассматривая диалог с Богом как особую разновидность жанра поэтического диалога, Т.В. Бердникова отмечает: «В диалогах, где одним из субъектов (чаще –

адресат) является Бог, мена коммуникативных ролей имеет свои особенности: происходит нетипичное для диалога “взаимословие”: вниманию читателя представлена реплика лирического героя при отсутствующей реплике собеседника. Однако собеседник (Бог) присутствует в репликах персонажей, в их настроениях» [8. С. 47].

Эту тенденцию можно наблюдать уже в ранней лирике Державина, в частности, в стихотворении «Молитва» (1775), где принципы конвергентной коммуникативной стратегии поэта наглядно выражены в его композиционной структуре. Так, стихотворение открывает целая серия риторических вопрошаний, формально обращённых к Всевышнему, но априори предполагающих единственно возможный ответ:

Кто может, Господи, Твои уставы знать?
Предел Твоих судеб кто может испытать?
Котора буйна тварь столь в мыслях вознесется,
Что твердость никогда ея не потрясется? [9. Т. 3. С. 325].

С риторических вопросов и констатации канонических истин («Един, всесильный Царь, Ты держишь смертных рок...» [9. Т. 3. С. 325]) лирический субъект смещает фокус высказываний в сферу собственных сомнений и переживаний, за счёт чего диалог с Богом приобретает сугубо личный характер («Так Ты, о Боже мой! и жизнь моя и свет...» [9. Т. 3. С. 326]). В этом случае важно то, что, говоря словами Т.В. Бердниковой, «Ты, воплощающее Бога, является не только Создателем, но и собеседником; через разговор с Богом лирический персонаж постигает самого себя и свое место в мироздании» [8. С. 47]. В результате сама ситуация коммуникативного акта сакральной адресации перестаёт быть условно-риторическим приёмом и наполняет лирическое событие конкретным содержанием.

Ещё более наглядно это проявляется в лирике зрелого периода творчества. Уже начиная с середины 1780-х гг., державинский лирический субъект принципиально акцентирует и разнообразно варьирует мысль о своей личной связи с Творцом и о стремлении обрести бессмертие через полное соединение с Ним. В оде «Бог» (1784) эта связь декларируется уже не на уровне отвлечённых сентенций, а посредством описания индивидуальных ощущений и эмоциональных импульсов, непосредственно подтверждающих её наличие:

Ничто! – но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты.

Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь – конечно, есь и Ты! [9. Т. 1. С. 200].

Субъектный статус лирического *Я* обусловлен здесь включённостью в поле созидющей и всеобъемлющей субъектности Божественного *Ты*. Стремясь найти ответ на вопрос «Кто Ты?», державинский лирический субъект получает возможность ответить и на другой, не менее важный для него вопрос: «Кто есть я?». В этой связи уместно вспомнить слова М. Бубера, который утверждал: «Лишь тот, кто вполне постиг отношение и знает присутствие Ты, ...свободен, ибо он встал перед Лицом» [10. С. 44]. Отчётливое осознание *личной* связи с Создателем («Твое создание я, Создатель! / Твоей премудрости я тварь...» [9. Т. 1. С. 202]) открывает перед державинским лирическим субъектом путь к подлинной свободе и онтологическому самоопределению.

Политическая адресация актуализирована в ситуациях обращения державинского лирического субъекта к монаршим особам и государственным деятелям. Формально этот тип адресации вписывается в одическую жанровую традицию и служит средством поэтической декларации гражданской позиции автора и его концептуальных представлений о сущности государственной власти. Однако у Державина эта устойчивая риторическая модель нередко приобретает характер лично ангажированной коммуникации, предполагающей определённую степень интимности в отношениях адресанта и адресата.

Особенно ярко это проявляется в стихотворениях, посвящённых Екатерине II. В ранних поэтических опусах, содержащих прямые обращения к императрице («Ода Екатерине II», 1767; «На поднесение депутатами Ея Величеству титула Екатерины Великой», 1767; «Ода на день рождения ея величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 года» и др.), Державин во многом ещё зависим от предшествующей (преимущественно – ломоносовской) панегирической традиции, и образ адресата его диалогических высказываний имеет достаточно обобщённый и объектный характер. Об этом свидетельствует, в частности, соседство в пределах одного поэтического текста личных местоимений «ты» и «она», обозначающих образ монархини, которая фигурирует в данных текстах как тема, как объект лирического переживания, как адресат обращений лирического субъекта и как высший ценностный критерий. Но разнообразно варьируя мысль о мудром и заботливом правлении Екатерины как факторе благополучия и величия Российской державы, автор постоянно апеллирует к её «человеческим качествам», а референтный модус лирических обращений перемежают высказывания с оттенком персональной оценочности:

О, коль пространно всюду поле
Твоих, богиня, хвальных дел!
Вникаю тем, чем зрю их боле,
Не может мысль вместить в предел! [9. Т. 3. С. 245].

Эта тенденция достигает своего апогея в стихотворениях «фелицийского цикла», в которых структура державинского лирического дискурса существенно усложняется. Маска Мурзы, удачно выбранная Державиным в качестве инструмента его новой коммуникативной стратегии, предполагала значительную меру самостоятельности и автономности лирического субъекта. В отличие от автора он оказался иной национальной и конфессиональной принадлежности, со своим особым жизненным укладом, темпераментом, с особым мировоззрением и голосом, что позволило поэту выстроить особый тип отношений между участниками лирического диалога.

Так, например, в оде «Фелица» (1782), где лирический субъект, казалось бы, настойчиво акцентирует внимание на этической и иерархической дистанции, отделяющей его от венценосной собеседницы («Подобно в карты не играешь, / Как я, от утра до утра» [9. Т. 1. С. 133]), постоянно происходят их «встречи» и контакты в одном семантическом пространстве, где осуществляется бытовой ход жизни. Именно эти встречи приобретают для лирического субъекта характер ценностно-значимого события, ибо связаны с ситуацией его нравственного выбора, обретённого в процессе диалога с Фелицей. В результате между адресантом и адресатом складывается тот уровень интимных отношений, который в принципе был немислим в одической практике до Державина.

Примечательно и то, что, став полноценным субъектом ценностно-речевой деятельности, лирический герой Державина повлек за собой актуализацию ранее не востребованного субъектного потенциала адресата. Так, в стихотворении «Видение Мурзы» (1783) разворачивается ситуация не косвенного, а вполне буквального, грамматически оформленного диалога, в ходе которого Фелица подробно излагает собственную этическую программу, связанную с представлением о гражданственности искусства и принципиально отличную от суждений Мурзы, сторонника горацанской умеренности:

«Мурза! – она вещала мне, –
...Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов, тогда
Сей дар богов лишь к чести

И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей...» [9. Т. 1. С. 164–165].

Вследствие этого речевого контакта эстетические ориентиры лирического субъекта претерпевают качественные изменения, но не становятся тождественными концептуальным установкам Фелицы. Отчасти он даже полемизирует со своей собеседницей и открыто заявляет о праве выбора собственного творческого пути:

Но, венценосна добродетель!
Не лесь я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель:
Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петь их буду,
И в шутках правду возвещу;
Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу [9. Т. 1. С. 167–168].

В результате в стихотворении «Видение Мурзы» складывается ситуация лирической полисубъектности, где различные, противоречивые ценностные установки участников диалога объемлются и примиряются синтезирующей энергией авторского сознания.

Следует заметить, что тот уровень максимально близкого контакта лирического субъекта и адресата, который был достигнут в стихотворениях «фелицейского цикла», в текстах политической адресации впоследствии уже не повторялся. Однако тенденция к сокращению иерархической дистанции между участниками лирического диалога в большей или меньшей степени проявилась в поэтических текстах, посвящённых Павлу, Александру, полководцам и государственным деятелям.

Идеологическая адресация практикуется Державиным в тех случаях, когда поэт преследует цель публичного обсуждения вопросов этического, эпистемологического или эстетического содержания. С точки зрения референтных установок, коммуникативная стратегия подобного рода адресации может быть полемической, декларативной (манифестационной) либо эвристической.

Так, например, сословная маркировка, заявленная в названии стихотворения «Вельможа», уже изначально предопределяет оценочно-речевую позицию лирического субъекта. Полемический пафос обнаруживает себя буквально на всех уровнях текста. Несмотря на многочисленные аллюзии, прямо и косвенно отсылающие читателя к реальным прототипам

(П.А. Зубову, Г.А. Потёмкину, А.А. Безбородко, А.Н. Самойлову и др.), адресат лирического высказывания обозначен социально-обобщённым, хотя и оценочно конкретным определением: «Се образ ложныя молвы, / Се глыба грязи позлащенной, / И вы, без благодати душевной / Не все ль, вельможи, таковы?» [9. Т. 1. С. 625]. Лирический субъект занимает здесь подчеркнуто бескомпромиссную регламентарную позицию, которая выражается в афористичных этических констатациях, воспринимаемых как руководство к действию:

Я князь – коль мой сияет дух;
Владелец – коль стастьми владею;
Болярин – коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг [9. Т. 1. С. 628–629].

Но Державин не ограничивается сугубо дидактическими средствами ведения полемики. Воссоздавая черты безмятежно-идиллического жизненного пространства, в котором пребывает его оппонент («Там розы средь зимы цветут, / И в рощах нимфы воспевают...» [9. Т. 1. С. 630]), и предоставляя ему возможность словесно выразить свою точку зрения («Мне миг покоя моего / Приятней, чем в истории веки...» [9. Т. 1. С. 632]), автор демонстрирует способность встать на позицию своего оппонента, однако лишь для того, чтобы ещё более акцентировать её несостоятельность.

Существенно иная коммуникативная установка характерна для поэтических текстов Державина, в которых идеологическая адресация ориентирована на условного или персонифицированного единомышленника, в особенности когда предметом поэтического диалога оказывается искусство. Как показывает державинский опыт создания экфрастических текстов, в которых содержатся (иногда условно) словесные «плановые эскизы» будущих живописных и скульптурных изображений («Изображение Фелицы», «К Анжелике Кауфман», «Варюше», «Тончию», «Оленину» и др.), адресная форма высказывания служит здесь средством познания себя в диалоге с другим. Лирический субъект преследует как бы двоякую цель: размышляя о сущности искусства и моделируя творческие проекты, эту сущность выражающие, он стремится соотнести ключевые положения собственной эстетической программы с некими идеальными критериями их практической состоятельности, и для этого ему нужен собеседник как своего рода независимый эксперт, способный дать объективную оценку правомерности его суждений. Не случайно в этом смысле то, что адресатами державинских лирических обращений в подобных ситуациях являются авторитетные художники, а в самих вы-

сказываниях доминируют интонации не утверждения, а вопрошания, неуверенности и сомнения: «Но что, Рафаэль, что ты пишешь? / Кого ты, где изобразил?» [9. Т. 1. С. 297], «Почто ж позора ждать такого? / Разбей, Рашет, мои черты! / Разбей! ...Нет, нет! ещё полслова / Позволь сказать себе мне ты...» [9. Т. 1. С. 618], «Иль нет: ты лучше напиши / Меня в натуре самой грубой...» [9. Т. 2. С. 403]. В каждом из приведённых примеров конвергентная речевая стратегия снимает прямолинейную категоричность поэтического высказывания и придаёт ему смысловую и оценочную объёмность.

Следует также отметить, что идеологическая адресация у Державина может вообще обходиться без участия лирического субъекта как формы опосредования авторской точки зрения, как, например, в стихотворении «Философы, пьяный и трезвый», представляющем собой ролевой диалог двух идеологических оппонентов. Авторской позиции в этом стихотворении присуща, говоря словами С.А. Саловой, «интенция к сглаживанию противоречий», когда «этические категории как бы заново семантизировались, демонстрируя свою подвижность и способность к диффузному взаимопроникновению» [11. С. 301], что само по себе подчёркивает авторскую мысль о вариативности путей постижения истины.

Ещё более очевидно эта тенденция проявляется в стихотворениях, которым присуща *дружеская адресация* и которые написаны преимущественно в жанре дружеского послания. В ряду конституирующих признаков, которыми исследователи традиционно маркируют произведения этого жанра: «разговорная интонация», «домашняя семантика» (Ю.Н. Тынянов), «автобиографичность», «интимность тона» (Л.Я. Гинзбург), «конкретизация чувства, переживаний, эмоций, пейзажа, портрета» (Е.П. Мстиславская) и др., – особую значимость приобретает *диалогизм* как коммуникативная установка и как структурообразующий принцип. Говоря о природе диалогизма, посредством которого определяется ценностная позиция речевого субъекта, М.М. Бахтин упоминает о его «вечной оглядке на другого человека» [5. С. 41]. В случаях дружеской адресации у Державина это имеет принципиальный характер, так как нередко державинские стихотворные послания либо являются ответной «репликой» на поэтические обращения его собеседников («Волхов Кубре», 1804; «Г. Озерову на приписание Эдипа», 1806; «Издателю моих песней», 1808; «Сочинительнице стихов: К Фантазии и На смерть подруги», 1814 и др.), либо сами побуждают их к диалогической активности («К Н.А. Львову», 1792; «Другу», 1795; «Капнисту», 1797; «Лето», 1805; «А.С. Хвостову»,

1808 и др.)¹. Сама ситуация непосредственного поэтического диалога максимально актуализирует коммуникативный статус адресата и вводит его в зону предельно близкого контакта с лирическим субъектом.

Ярким примером такого поэтического диалога может служить серия дружеских посланий, инициированная А.В. Храповицким, охотно подхваченная Державиным и активно продолжавшаяся на протяжении нескольких лет. Поводом для появления этих посланий становится спор двух стихотворцев о природе поэтического творчества. Так, в мае 1793 г. в стихотворном послании «Письмо к другу», адресованном В.В. Капнисту, Храповицкий сетует на иссякновение творческой инициативы членов львовско-державинского кружка и восклицает:

Зачем не пишешь ты, любезный мой Капнист?
И Львов с Державиным заснули, заленились,
Кисть, циркуль и перо из рук их повалились!

[цит. по: 9. Т. 1. С. 543].

По справке Я.К. Грота, «в таком же смысле Храповицкий около того же времени обратился и к самому Державину со стихами, которые, к сожалению, нам не известны» [9. Т. 1. С. 543], но в которых, по словам Державина, советовал ему «писать похвалы киргизской владычице, или императрице» [9. Т. 3. С. 655]. Ответ последовал незамедлительно: в том же 1793 г. Державин откликнулся стихотворным посланием «Храповицкому», полистилевым по форме и программным по содержанию. Здесь оригинально сочетаются интонации интимной дружеской беседы («Товарищ давний, вновь сосед, / Приятный, острый Храповицкий!»), едкой полемической иронии («Так, так! за средственны стишки / ...Я брал с нея бы за безделья...») и самоиронии («Давно мурза с большим усом»), высокой гражданской риторики («Но ежели наложен долг / Мне от судеб и вышня трона...») и личностно ангажированных вопрошаний («То как Якобия оставить, / Которого весь мир теснит?») [9. Т. 1. С. 541–545]. Кульминация этого эмоционально насыщенного поэтического высказывания предстаёт в форме лаконичного афоризма, который следует воспринимать как квинтэссенцию эстетической концепции автора: «Богов певец / Не будет никогда подлец» [9. Т. 1. С. 545]. Примечательно то, что ярко выраженная регламентарная коммуникативная стратегия, в целом присущая державинскому посланию, не отменяет изначальную ситуацию доверительного дружеского общения, к которой лирический субъект возвращается в финальной части текста: «Ты сам со временем

¹ Подробная характеристика корпуса стихотворных посланий, адресованных Г.Р. Державину его современниками и хранящихся в «державинском фонде» ОР НРБ, дана в статье Н.Д. Кукушкиной [12].

осудишь / Меня за мглистый фимиам, / За правду ж чтить меня ты будешь...» [9. Т. 1. С. 546].

Очередной раунд поэтического диалога двух друзей-стихотворцев вновь состоялся по инициативе А.В. Храповицкого в 1797 г. и стал продолжением обсуждения и развития темы назначения поэта, начатой ранее. В марте 1797 г., уже будучи в должности сенатора, он адресует Державину послание «Любезному автору Г. Р. Д.», в котором, отдавая дань его поэтическому дарованию («Орел державный ты, – я пташка» [9. Т. 2. С. 49]), в шутивно-игровой форме журит его за избыточное пристрастие к «воспеванию» героев Отечества и в особенности современных – Г.А. Потемкина и В.А. Зубова (по всей видимости, намекая на незадолго до этого написанные «Водопад» и «На возвращение графа Зубова из Персии»).

Державин с готовностью включается в игровую ситуацию, предложенную его собеседником, и выстраивает свой ответ в форме покаянной манифестации. Его лирический субъект безропотно принимает все адресованные ему обвинения, доходя до крайней точки шутивного самоуничтожения. В поисках мнимых оправданий, притворно сетуя на ситуацию внешней несвободы («Страха связанным цепями / И рожденным под железом...» [9. Т. 2. С. 46]), державинский лирический субъект отказывается от выражения личной позиции и выстраивает высказывание от имени некоего коллективного, обезличенного «мы»:

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильным угождать,
Их любимцам поклоняться,
Словом, взглядом их ласкать.
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить [9. Т. 2. С. 47].

Эту травестированную «исповедь» венчает логически созвучный её пуант, вызвавший известное возражение А.С. Пушкина:

За слова – меня пусть гложет,
За дела – сатирик чтит [9. Т. 2. С. 47]¹.

Если игнорировать общий комически-игровой контекст этого тезиса и не обращать внимание на подчеркнуто ироническую оксюморонность сочетания «сатирик чтит», то может сложиться впечатление о некой ценностной амбивалентности двух державинских посланий к Храповицкому:

¹ По свидетельству Н.В. Гоголя, «Пушкин, когда прочитал следующие стихи из оды Державина к Храповицкому <...>, сказал так: “Державин не совсем прав: слова поэта суть уже его дела”» [13. С. 19].

в 1794 г. поэт определяется как «не подлец», через 3 года он уже «раб». Думается, в данном случае следует говорить не об аксиологической амбивалентности, а о вариативности форм дружеской адресации, демонстрирующей широкий диапазон регистров авторской модальности и располагающей богатым арсеналом поэтических возможностей опосредования концептуальных авторских установок. В этом, в частности, нас убеждают финальные строки написанного в 1797 г. дружеского послания «Капнисту», где мысль о предназначении поэта в горацианском духе выражена гораздо более предметно, вне всякого игрового контекста:

Когда велит судьба...
...правду возглашать святую,
Умей и ты презреть златую,
Злословну, площадную чернь [9. Т. 2. С. 111–112].

Существенно иначе организованы стихотворения, содержащие *адресацию эротическую*: они сугубо монологичны по структуре высказывания и масочны по характеру субъектности. Эротическая адресация державинской лирики переживает два этапа своего становления. Первый приходится на ранний период творчества поэта, когда при создании любовных посланий («Объявление любви», «Пламиде», «Всемиле», «Нине», «Пени») он ориентирован на традицию А.П. Сумарокова и поэтов его школы. И адресат, и сама природа лирического переживания имеют в этих сочинениях предельно обобщенный, условный характер, а образный строй речи поэтических обращений заимствован из репертуара любовной лирики второй половины XVIII столетия, например:

Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихим голубым огнем
Очей твоих; от их я вида
Не защищусь теперь ничем.

Хоть был бы я царем вселенной,
Иль самым строгим мудрецом, –
Приятностью, красой сраженный,
Твоим был узником, рабом [9. Т. 1. С. 3].

Примечательно, что этот риторически-условный характер любовного переживания сохраняется даже в стихотворениях, адресованных Державиным Екатерине Яковлевне Бастидон («Невесте», «Препятствие к свиданию с супругой») в первый год их супружества.

Второй этап эротической адресации связан с освоением традиций отечественной и зарубежной анакреонтики. Здесь сохраняется монологический принцип высказывания, но появляется принципиально иной вид лирической субъектности, в основе которой, по словам С.А. Саловой, «криптопародическая самоирония автора, идентифицировавшего собственную поэтическую личность “с оглядкой” на миф Анакреонта» [14. С. 45]. Несмотря на то, что образ влюблённого старика, от лица которого автор обращается к своим очаровательным адресаткам в текстах «Анакреонтических песен», неизменно предстает в ореоле авторской самоиронии («Нравится уж я бессилён / И копьем и сайдаком / Дурен, стар и не умилен: / Бью стихами вам челом» [9. Т. 2. С. 365]), его смысловая роль чрезвычайно важна. Старость как пограничное положение лирического субъекта в системе координат бытия (жизнь – смерть, время – вечность, прошлое – настоящее, весна – зима, движение – покой, чувство – разум, наивность – мудрость) создает условие причастности всей полноте его проявлений и акцентирует экзистенциальную состоятельность его высказываний, мотивированных личным жизненным опытом.

Представленная типология адресации в лирике Г.Р. Державина демонстрирует широкий спектр коммуникативных стратегий поэта, стремящегося к установлению подлинно сотворческих отношений со своим читателем. Являясь средством осуществления диалогических интенций, типологическая вариативность адресации державинского поэтического высказывания свидетельствует об органической потребности автора в многоакурсном изображении бытия, в построении объёмной, многомерной и диалектически целостной художественной картины мира, расположенной на пересечении противоречивых оценок и впечатлений.

Список источников

1. Серман И.З. Русский классицизм: Поэзия. Драма. Сатира. Л. : Наука, 1973. 284 с.
2. Бердникова Т.В. Стилистические особенности диалога в поэзии Г.Р. Державина (на материале жанра оды) // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Серия: Филология. Журналистика. Вып. 4. С. 17–20.
3. Килинг Т.В. Г.Р. Державин на подступах к диалогизму (на материале ранней лирики) // Litera. 2020. № 3. С. 14–26.
4. Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М. : Языки славянских культур, 2007. 656 с.
5. Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. Т. 2: Проблемы творчества Достоевского. Статьи о Толстом. Записи курса лекций по истории русской литературы. М. : Русские словари, 2000. 800 с.

6. Тюпа В.И. Архитектоника эстетического дискурса // Бахтинология: исследование, переводы, публикации. СПб. : Алетейя, 1995. С. 206–216.
7. Круглова Т.С. Специфика коммуникативных стратегий в литературе // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия : Материалы II Международной научно-практической конференции. Пенза : Изд-во ПГТУ, 2016. С. 85–92.
8. Бердникова Т.В. Диалог с Богом как особая разновидность поэтического диалога (на материале произведений Г.Р. Державина и К.Н. Батюшкова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27), ч. 2. С. 46–48.
9. Державин Г.Р. Сочинения. С объяснительными прим. Я. Грота. Т. I–IX. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1864–1883.
10. Бубер М. Два образа веры / пер. с нем. М. : Республика, 1995. 464 с.
11. Салова С.А. Стихотворение Г.Р. Державина «Философы, пьяный и трезвый»: поиск идеала «философской жизни» // XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства. М. : Эконинформ, 2004. С. 290–302.
12. Кукушкина Н.Д. Стихотворные послания Державину: (По рукописным материалам Российской национальной библиотеки) // XVIII век. Сб. 23. СПб. : Наука, 2004. С. 149–182.
13. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем : в 17 т. Т. 6: Выбранные места из переписки с друзьями. М. : Изд-во Московской Патриархии, 2009. 744 с.
14. Салова С.А. Анакреонтическая самоирония Г.Р. Державина: контекстуальный аспект // Пушкинские чтения–2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 44–53.

References

1. Serman, I.Z. (1973) *Russkiy klassitsizm: Poeziya. Drama. Satira* [Russian classicism: Poetry. Drama. Satire]. Leningrad: Nauka.
2. Berdnikova, T.V. (2012) *Stilisticheskie osobennosti dialoga v poezii G.R. Derzhavina (na materiale zhanra ody)* [Stylistic features of dialogue in the poetry of Gavrill Derzhavin (based on the ode genre)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistika*. 12(4). pp. 17–20.
3. Kiling, T.V. (2020) G.R. Derzhavin na podstupakh k dialogizmu (na materiale ranney liriki) [Gavrill Derzhavin on the approaches to dialogism (early lyrics)]. *Litera*. 3. pp. 14–26.
4. Bocharov, S.G. (2007) *Filologicheskie syuzhety* [Philological Subjects]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
5. Bakhtin, M.M. (2000) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow: Russkie slovari.
6. Tyupa, V.I. (1995) *Arkhitektonika esteticheskogo diskursa* [The architectonics of aesthetic discourse]. In: Isupov, K.G. & Valitskaya, A.P. (eds) *Bakhtinologiya: issledovaniya, perevody, publikatsii* [The Bakhtin Studies: Research, Translations, Publications]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 206–216.
7. Kruglova, T.S. (2016) *Spetsifika kommunikativnykh strategiy v literature* [Specificity of communication strategies in literature]. *Yazyk kak osnova sovremennogo mezhkul'turnogo vzaimodeystviya* [Language as the basis of modern intercultural interaction]. Proc. of the Second International Conference. Penza: PSTU. pp. 85–92.

8. Berdnikova, T.V. (2013) Dialog s Bogom kak osobaya raznovidnost' poeticheskogo dialoga (na materiale proizvedeniy G.R. Derzhavina i K.N. Batyushkova) [Dialogue with God as a special type of poetic dialogue (based on the works of Gavriil Derzhavin and Konstantin Batyushkov)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 9(27). pp. 46–48.

9. Derzhavin, G.R. (1864–1883) *Sochineniya. S ob'yasnitel'nymi prim. Ya. Grota* [Works. With explanatory notes by I. Grot]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

10. Buber, M. (1995) *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Translated from German. Moscow: Respublika.

11. Salova, S.A. (2004) Stikhotvorenie G.R. Derzhavina “Filosofy, p'yanny i trezvyy”: poisk ideala “filosofskoy zhizni” [Poem by Gavriil Derzhavin “Philosophers, drunk and sober”: The search for the ideal of “philosophical life”]. In: Pakhsaryan, N.T. (ed.) *XVIII vek: Iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva* [The 18th century: The art of living and the life of art]. Moscow: Ekoninform. pp. 290–302.

12. Kukushkina, N.D. (2004) Stikhotvornye poslaniya Derzhavinu: (Po rukopisnym materialam Rossiyskoy natsional'noy biblioteki) [Poetic messages to Derzhavin: (Based on handwritten materials of the Russian National Library)]. In: *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 23. St. Petersburg: Nauka. pp. 149–182.

13. Gogol, N.V. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 17 t.* [Complete Works and Letters: In 17 vols]. Vol. 6. Moscow: Moscow Patriarchate.

14. Salova, S.A. (2015) Anakreonticheskaya samoironiya G.R. Derzhavina: kontekstual'nyy aspekt [Anacreontic self-irony of Gavriil Derzhavin: The contextual aspect]. In: Skvortsov, V.N. (ed.) *Pushkinskie chteniya–2015. Khudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoy literatury: zhanr, avtor, tekst* [The Pushkin Readings–2015. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text]. St. Petersburg: LSU. pp. 44–53.

Информация об авторе:

Ларкович Д.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета (Сургут, Россия). E-mail: dvl10@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Larkovich, Dr. Sci. (Philology), professor, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russian Federation). E-mail: dvl10@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.02.2023;
одобрена после рецензирования 01.07.2023; принята к публикации 12.03.2024*

*The article was submitted 21.02.2023;
approved after reviewing 01.07.2023; accepted for publication 12.03.2024*